

«Русский вопрос» после распада СССР

К 2010 году русский этнонационализм не стал серьезной политической силой внутри России и не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на политику в отношении соседних государств. Может ли ситуация измениться к 2020 году? | **ИГОРЬ ЗЕВЕЛЕВ**

После распада Советского Союза миллионы людей, считающих себя русскими, оказались разделены политическими границами. Впервые на протяжении многовековой истории они живут на территории нескольких соседних стран. Начиная с 1992 года российская политика в отношении соотечественников за рубежом формировалась в значительной степени как осторожный умеренный ответ на этот вызов. Россия не поддержала ирредентистские настроения в Крыму, Северном Казахстане и других местах компактного проживания русских. Первая попытка защиты своих граждан и «соотечественников» за рубежом с помощью военной силы была предпринята в августе 2008 года в Южной Осетии и Абхазии, где русские составляют лишь около двух процентов населения. Означает ли это, что этничность не играет существенной роли в политике России в отношении постсоветского пространства?

Отношение к тому, что около четверти русских живет за пределами Российской Федерации, из них более половины — в сопредельных государствах, теоретически может стать одним из важнейших факторов развития российской государственной идентичности и системы международных отношений в Евразии к 2020 году. Однако

пока влияние этого фактора остается лишь предположением или, скорее, одним из возможных сценариев развития событий.

К настоящему времени в России сложилось два основных подхода к «русскому вопросу». Во-первых, это умеренные концепции «диаспор» и «русского мира»¹, а также вялая политика по отношению к «соотечественникам», проводимая государством. Во-вторых, это радикальный националистический дискурс о «разделенном народе», который, однако, до сих пор не оказывал существенного влияния на конкретную политику. Если рассматривать эти два подхода в более широком контексте, а именно с точки зрения того, как формировалась российская идентичность в течение последних двухсот лет, то, с некоторой долей упрощения, можно утверждать, что они отражают традиционное для страны сосуществование двух начал: национально-государственного и этнонационального². Сосуществование и взаимодействие двух подходов, скорее всего, сохранится и к 2020 году. Вопрос в том, как будут развиваться эти начала, каково будет их соотношение и в чем будут состоять последствия такой конфигурации национальной идентичности для международной безопасности³. К 2010 году русский этнонационализм не стал серьезной политической силой внутри

России и не оказывает сколько-нибудь значительного влияния на политику в отношении соседних государств. Неэтнические аспекты российской идентичности в различных формах (имперских, советских, цивилизационных, универсалистских) продолжают играть значительную роль. Может ли ситуация измениться к 2020 году? Как повлияет возможная демократизация на развитие русского этнического национализма? Какую роль в этом процессе будет играть новый «русский мир»?

Соотечественники и «русский мир» в политике России к 2020 году: два сценария

Понятия «соотечественники» и «русский мир» формируются в рамках двух разных, хотя и пересекающихся, дискурсов. Концепция соотечественников с 1994 года развивается преимущественно в форме выработки конкретной российской политики и находит свое отражение в законах, государственных программах и внешнеполитических действиях⁴. Понятие «русского мира», хотя и имеет свою историю, было введено в поле активного общественного дискурса только в 2007 году⁵. Эта концепция гораздо более широкая, с мощными философско-мировоззренческими коннотациями. Она в большей мере связана с общественной, а не только государственной, деятельностью. Концепция соотечественников опирается на законы и юридические нормы, в то время как понятие русского мира лежит преимущественно в области самознания⁶. Два понятия пересекаются в точке свободного выбора тех, кто так или иначе осознает свою связь с Россией. Объединение русских «ближнего зарубежья» с эмигрантами и всеми бывшими гражданами СССР в категориях соотечественников и «русского мира» делает эти понятия весьма размытыми и в то же время отражает попытку властей смягчить остроту вопроса⁷. Ниже речь пойдет о том, что мы называем новым «русским миром», то

есть о тех русских (в культурном смысле), кто оказался за пределами Российской Федерации в результате распада СССР.

Проблематика российских соотечественников претерпела существенную эволюцию за исторически короткий период времени после распада Советского Союза. В 1992 году тема соотечественников играла лишь маргинальную роль в общественной мысли и политике России. Постепенно, в 1993–1994 годах, она заняла важное место в дискурсе о российской нации и во внутри- и внешнеполитической риторике. 1995–2000 годы стали периодом проб и ошибок в формировании реальной политики в этой области. В 2000–2010 годах место и роль соотечественников в «официальном» дискурсе и российской политике окончательно определились, возможно, на долгие годы. Намерения проводить решительную политику в отношении русских диаспор (введение двойного гражданства с его официальным признанием соседними государствами) так и не были осуществлены, в то время как другие инициативы (укрепление связей с соотечественниками) были очень скромными и умеренными по содержанию. Во втором десятилетии XXI века ситуация может измениться, если изменится российская национальная идентичность и произойдет трансформация политической системы.

Вопрос о России и новом «русском мире» в 2010–2020 годах может развиваться в двух основных вариантах: сохранение умеренного «государственноцентричного» подхода (инерционный вариант) и принятие концепции «разделенного народа» в качестве основы государственной политики (катастрофический вариант). Либеральная альтернатива вероятна в форме постепенной и относительно медленной трансформации инерционного сценария по мере усиления в нем транснациональных компонентов.

Суть инерционного варианта состоит в сохранении такой ситуации, когда основные

импульсы исходят от Российской Федерации, рассматривающей «русский мир» прежде всего с точки зрения своих государственных интересов. Президент Дмитрий Медведев сказал об этом на Третьем Всемирном конгрессе соотечественников: «А самое главное — общая забота о России, о судьбе Российской Федерации и, по сути, о нашей совместной судьбе»⁸.

При инерционном варианте дискурс в этой области, хотя и интеллектуально напряженный, остается маргинальным. Политика в отношении соотечественников продолжает

ствие прямого насилия со стороны местного «коренного» населения, направленного против них, а также их слабая мобилизованность и разобщенность. Заметных горизонтальных связей между русскими общинами почти нет. Различия между этими общинами не позволяют надеяться на то, что такие связи будут установлены в будущем. Общины очень сильно различаются по размерам, образу жизни и уровню интеграции в местное общество. У них нет ни общего противника, ни единого видения своего будущего. Каждая из русских общин плохо организована. Размытость

“Концепция соотечественников опирается на законы и юридические нормы, в то время как понятие русского мира лежит преимущественно в области самосознания”.

быть достаточно вялой и малоэффективной. Центральным вопросом конкретной политики является то, насколько либеральным (или нелиберальным) будет миграционное законодательство и закон о гражданстве. Эти проблемы остаются предметом межведомственной, а не политической борьбы.

Какова вероятность того, что умеренный государственноцентричный подход сохранится в обозримом будущем и вопрос о соотечественниках останется в своем нынешнем, приглушенном состоянии? Это будет определяться тремя группами факторов: положением и деятельностью самих диаспор в соседних с Россией государствах, характером межгосударственных отношений на постсоветском пространстве и направлением изменений в российской внутренней и внешней политике. Совокупность этих факторов в том виде, в каком они сложились к 2010 году, позволяет прогнозировать сохранение нынешних тенденций умеренности на среднесрочную перспективу.

Решающими факторами в положении русских и шире — русскоязычных — общин на постсоветском пространстве является отсут-

ств границ между этническими русскими и русскоязычными группами — еще один немаловажный фактор, сдерживающий их политическую мобилизацию под этнонациональными лозунгами. Это укрепляет вероятность инерционного варианта.

Объединение политических усилий, солидарность и сотрудничество в рамках национального меньшинства представляют собой совершенно новую идею для народа, который раньше полностью преобладал в собственной стране. Относительным исключением является ситуация в Латвии и Эстонии, где сформировался интеллектуальный дискурс на тему русскоязычных меньшинств и возникли небольшие политические партии, представляющие их интересы. Однако их деятельность полностью сфокусирована на решении проблем в рамках латвийской и эстонской государственности, а также, во все большей степени, — в рамках ЕС и мало связана с Россией и ее концепцией «соотечественников». Без участия России проблемы диаспор на постсоветском пространстве, скорее всего, останутся вопросами местного значения.

Характер межгосударственных отношений на постсоветском пространстве до сих пор способствовал тому, что вопрос о российских соотечественниках, несмотря на все различия в подходах, никогда не оказывался в центре острого противостояния внутри СНГ. Например, в 2003–2010 годах Россия, ради сохранения отношений с Туркменистаном и обеспечения собственных интересов в газовой сфере, игнорировала грубые нарушения со стороны Ашхабада прав лиц с двойным туркмено-российским гражданством. Соглашения в рамках СНГ, безвизовый режим между большинством стран, психологическое ощущение общности исторического наследия сглаживали остроту вопроса.

Различные государственные институты по-разному видят проблематику соотечественников. Реальную политику в отношении соотечественников в ближайшие годы будет определять взаимодействие четырех групп интересов, каждая из которых представлена в государственных органах. Речь идет о гуманитарных, «мягкосиловых», правоохранительных и экономических интересах. Разные государственные органы и общественные силы имеют различную мотивацию и будут стремиться сделать свое видение проблемы основной движущей силой официальной политики⁹.

Гражданское общество и такие институты, как Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию инсти-

“Несмотря на все различия в подходах, вопрос о российских соотечественниках до сих пор никогда не оказывался в центре острого противостояния внутри СНГ”.

Правительства стран на территории бывшего СССР теоретически могут вызвать острую реакцию со стороны России, если будут поощрять или сами инициируют серьезные инциденты, представляющие угрозу физической безопасности русского населения. Но если этого не случится (а шансы такого сценария невелики), вероятность того, что правительство России начнет более активно использовать свое положение сильного в отношении «ближнего зарубежья», чтобы защитить интересы русских диаспор или использовать этот вопрос для прямого давления на правительства соседних государств, остается незначительной.

При инерционном варианте проблематика соотечественников нечасто будет стоять в центре внимания президента и премьер-министра России, если не будут возникать серьезные кризисные ситуации. Это означает, что политика в большинстве случаев будет определяться на более низких этапах российской власти.

тутов гражданского общества и правам человека и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, будут руководствоваться преимущественно гуманитарными соображениями. Это будет выражаться в усилиях, направленных на защиту прав русскоязычного населения в соседних государствах и мигрантов в России, а также на либерализацию закона о гражданстве. При этом следует отметить, что правозащитное сообщество в целом проявило определенное равнодушие к проблемам соотечественников за рубежом.

«Мягкосиловая» составляющая, в принципе, может выражаться в укреплении инструментов поддержки соотечественников ради усиления своего влияния на постсоветском пространстве. Однако МИД не имеет подобного опыта и, по всей вероятности, также будет стремиться переносить проблематику соотечественников преимущественно в гуманитарное русло и действовать через многосторонние международные институты.

Российские власти пока не научились в должной мере использовать «мягкую силу» в межгосударственных отношениях, и потенциал соотечественников как инструмента влияния в ближайшие годы вряд ли будет эффективно задействован. Свидетельством этого, в частности, является «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2008 года, где проблематика соотечественников помещена в раздел гуманитарного сотрудничества и прав человека¹⁰. В качестве головного ведомства, отвечающего за работу с соотечественниками, Министерство иностранных дел занимает противоречивую позицию¹¹. Российским дипломатам не вполне удалось сочетать развитие межгосударственных отношений с поддержкой соотечественников, часто и небезосновательно воспринимаемой в соседних странах как вмешательство во внутренние дела. В этом плане ситуация отчасти напоминает попытки американской дипломатии заниматься правами человека. Создание Федерального агентства «Россотрудничество» и Фонда «Русский мир» призвано смягчить это противоречие.

Поправки к Закону о соотечественниках, принятые в 2010 году в том виде, в каком этого хотело Министерство иностранных дел, укрепили вероятность инерционного варианта. В соответствии с новой редакцией закона, те, кто желает, чтобы Россия рассматривала их в качестве соотечественников, должны осуществлять определенную общественную или профессиональную деятельность по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений стран проживания с Россией¹². Критики закона иронизируют, что для сохранения связи со своей исторической родиной надо становиться «профессиональным соотечественником», чья идентичность подтверждается не верой, языком и совестью, а обслуживанием текущих интересов российской дипломатии¹³.

Правоохранительная мотивация МВД будет проявлять себя в усилиях по сдерживанию миграции из южных республик, а также препятствовать тому, чтобы статус соотечественника использовался для облегченного получения российского гражданства. Аналитические подразделения силовых структур, по всей видимости, обеспокоены ростом преступности и межэтнической напряженности, но подобная ограничительная практика неизбежно встретит противодействие со стороны субъектов хозяйственной деятельности, которые заинтересованы в дешевой рабочей силе с хорошим знанием русского языка. До тех пор, пока в России будут сохраняться относительно высокие темпы роста трудоемких отраслей, экономический блок правительства будет вынужденно склоняться к либеральной политике, которая облегчает временную трудовую миграцию и способствует переселению части соотечественников на постоянное место жительства в России.

Как бы ни складывалась в дальнейшем равнодействующая перечисленных четырех сил в российской государственной машине, сама по себе она будет продолжать политику умеренности. Ситуация может измениться только на политическом уровне. Вопрос о диаспорах и ответственности России за их судьбу присутствует в теоретических обсуждениях, посвященных государственному и национальному строительству. Каким образом более радикальные подходы к этому вопросу могут пробиться в ту сферу, где формируется реальная политика? Иными словами, при каких условиях инерционный вариант развития может быть прерван и осуществлен переход к националистическому сценарию?

Выше уже отмечалось, что вопрос о диаспорах не входит в число главнейших приоритетов российской политики, однако при определенных условиях он может выйти на первый план. Опыт националистических движений в других регионах показывает, что

лозунги о воссоединении нации могут быть использованы властями в качестве инструмента мобилизации, то есть для обеспечения поддержки со стороны населения тогда, когда такая поддержка кажется особенно желательной. В России вопросы, связанные с проблемами диаспор, в том числе вопрос о воссоединении, в принципе могут быть использованы некоторыми политическими силами, которые рассчитывают добиться электоральной поддержки с помощью риторики, провозглашающей эти проблемы ключевыми для национальных интересов и безопасности. Однако этому препятствуют два фактора.

Во-первых, в условиях экономического бума в начале нового века абстрактные идеи о русском народе имели гораздо меньшую привлекательность, чем стремление к повышению собственного благополучия россиян. Ситуация в чем-то напоминала Австрию после распада империи в ходе Первой мировой войны, когда большинство простых граждан и представителей элиты не мыслили в категориях имперского реваншизма, а были заняты выживанием или же обогащением. Несмотря на возрождение элементов имперской символики при Владимире Путине, мало кто готов был пожертвовать собственным благополучием ради геополитического реванша.

Во-вторых, выстроенная Путиным система власти оставляет очень небольшое пространство для независимой от Кремля политической деятельности. Правящая же элита воспринимает этнонационализм как угрозу внутренней целостности российского государства, не мыслит в узких этнических терминах и не заинтересована в укреплении партий и движений, выступающих под этнонациональными лозунгами.

Тем не менее в российском обществе есть силы и течения, которые в перспективе способны поставить под вопрос нынешнюю политику сдержанности. Многие будут зави-

сеть от того, в каком направлении пойдет поиск национальной идентичности в России. После того как страна утратила имперскую оболочку после распада Советского Союза, этническое самосознание русских стало более заметным. Хотя русский этнонационализм не является организованной политической силой, он может резко усилиться, особенно если строительство *национального* государства станет ведущей темой политических дискуссий. В советских и постсоветских научных кругах, в общественном сознании и политике термин «нация» имел и имеет не столько гражданскую, сколько мощную этническую коннотацию. Как уже неоднократно случалось в истории Европы, если общая культура или кровь начнет рассматриваться в качестве воображаемой политической общности, это может вылиться в призыв к объединению всех русских под одной государственной крышей.

Переопределение России в более конкретных этнических терминах, подобно тому как это происходит в других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, может стать самым опасным шагом за всю ее постсоветскую историю — реализация такого политического проекта способна подорвать внутреннюю целостность страны и привести к пересмотру границ.

Опыт других стран показывает, что за строительство нации на обломках империи обычно берутся этнонационалисты. Кемалистская Турция начала свой эксперимент построения национального государства с геноцида и изгнания армянских, греческих и курдских меньшинств¹⁴. Многие австрийцы приветствовали аншлюс после того, как прожили двадцать лет в небольшом постимперском государстве. После распада Югославии Сербия и Хорватия взяли курс на агрессивный национализм и начали перекраивать постъюгославскую политическую карту. Все бывшие советские республики взлелеяли этнополитические мифы, в которых государ-

ство провозглашается родиной «коренного» населения. Во всех этих случаях теоретической базой для проведения такой политики послужила традиция исторического романтизма, согласно которой человечество можно четко разделить на нации, а культурно (или этнически) обусловленные нации обладают некими священными правами.

Казалось, что после распада Советского Союза возникли благоприятные условия для укрепления этнического сознания русских и их ведущей роли в формировании новой национальной идентичности России. Составляя около

конце первого десятилетия нового века, особое место заняла миграция в большие российские города. С формально-правовой точки зрения, миграция из Центральной Азии и Южного Кавказа и внутренние перемещения с российского Северного Кавказа — принципиально разные явления. Однако в массовом сознании они объединяются в единый феномен — «наплыв» нерусских, занимающих социально заметные ниши в мелкой торговле, услугах, «сером» и нелегальном бизнесе и связанной с ними преступности¹⁵. Такое восприятие влечет за собой рост ксенофобии

“В начале нового века абстрактные идеи о русском народе имели гораздо меньшую привлекательность, чем стремление к повышению собственного благополучия россиян”.

80 проц. населения в начале XXI века (против 43 проц. в Российской империи конца XIX века и 50 проц. в Советском Союзе), русские впервые за последние два века стали безусловно доминирующей этнической группой в своей стране. Однако к 2020 году доля русских несколько уменьшится в силу более быстрого естественного прироста среди других этнических групп, а также миграции. Кроме того, ослабнут позиции русского языка в некоторых республиках внутри Российской Федерации. Такая динамика может усилить русский этнический национализм.

Русский этнонационализм получил мощный интеллектуальный импульс благодаря публицистике Александра Солженицына, который стал первым крупным мыслителем, бросившим вызов наднациональной традиции в ее имперской форме. Глубочайший экономический кризис 1990-х, а также трудности, с которыми столкнулись тогда русские в соседних национализирующихся государствах, создали предпосылки для политической мобилизации вокруг этого вопроса.

Среди факторов, расширяющих массовую базу русского этнического национализма в

и активизацию экстремистских группировок. Согласно обследованиям Левада-Центра, доля россиян, считающих необходимым ограничить приток приезжих, возросла с 45 проц. в 2002 году до 61 проц. в 2009-м¹⁶.

Вопрос о «разделенности» русского народа, столь важный для националистического дискурса 1990-х, постепенно стал отходить на второй план и вытесняться внутренними российскими проблемами и угрозами. Во втором десятилетии текущего столетия вопросы миграции, ислама и положения русских в национальных республиках, скорее всего, приобретут еще большее значение, в то время как ситуация вокруг русских диаспор в соседних государствах уже относительно стабилизировалась. Часть русских и русскоязычных, прежде всего из Центральной Азии и с Южного Кавказа, переехала в Российскую Федерацию. Другая часть адаптировалась к новой ситуации. Ни в одном из постсоветских государств они не становились жертвой прямого насилия, тем самым в России не возникло повода для националистической мобилизации. Вопросы статуса русского языка, возможности развивать свою

культуру, сохранять идентичность и не подвергаться дискриминации в сопредельных государствах, разумеется, важны, но тем не менее не обладают достаточным мобилизационным потенциалом на фоне серьезных социальных и национальных проблем внутри России. Кроме того, ситуация на Украине и в Белоруссии при всем желании не может быть описана исключительно в этнических терминах. Историческая, культурная и языковая близость восточных славян сильно осложняет задачу политической демагогии, которая, как правило, имеет успех в более простых ситуациях, легко описываемых в «черно-белых» терминах.

“Неоформившееся русское этническое самосознание является одним из ключевых факторов, объясняющих, почему распад Советского Союза произошел так мирно”.

В начале XXI века российский этнонационализм преимущественно принимает форму ксенофобии. Энергия маргинальных групп скинхедов направлена на устрашение мигрантов с Кавказа и Центральной Азии и насилие над ними. Особенно большое количество расистски и неонацистски мотивированных преступлений фиксируется в Московском и Петербургском регионах¹⁷. При этом экстремисты действуют в достаточно благоприятной общественной атмосфере. Согласно опросам Левада-Центра, доля тех, кто в той или иной мере разделяет идею «Россия — для русских», возросла с 43 проц. в 1998 году до 54 проц. в 2009-м¹⁸.

Российская власть попыталась перехватить инициативу у экстремистских группировок, инициировав разговор об интересах коренного населения и государствообразующего народа. Путин, который ранее использовал понятие «коренного населения» для обозначения малых народов Сибири, в 2006 году стал употреблять его применительно ко всем россиянам в их противопоставле-

нии мигрантам: «Нужно, конечно, думать об интересах коренного населения. Если мы не будем думать... это будет только повод и путь к самораскрутке различных радикальных организаций»¹⁹. В 2006 году после событий в Кондопоге, а также в ходе антигрузинской кампании, российские официальные лица не раз апеллировали к ксенофобским чувствам, однако подобные публичные заявления вскоре прекратились.

«Единая Россия» в 2007 году запустила свой собственный «Русский проект», в рамках которого стали использоваться другие понятия — «государствообразующий народ»,

«этническое ядро» и т. д.²⁰. Однако эти вопросы вновь отошли на второй план в связи с осуществлением операции по передаче президентского поста Медведеву и переходу Путина на должность премьер-министра. В условиях плавного, мирного перехода власти (в отличие от ситуации свободных и справедливых выборов) властвующей элите не нужно было искать мобилизующую тему для предвыборной кампании.

Тем не менее введение в официальный российский дискурс этнических мотивов в форме обсуждения роли русского народа — явление весьма опасное. Неоформившееся русское этническое самосознание является одним из ключевых факторов, объясняющих, почему распад Советского Союза произошел так мирно, особенно если сравнивать его с кровопролитной дезинтеграцией другой социалистической федерации — Югославии, в которой сербы имели более ясное представление о своей идентичности. Возможно, русский народ без четко определенных границ в официальном дискурсе и общественном

сознании является единственным мирным решением «русского вопроса» после распада Советского Союза. Как ни парадоксально, непоследовательные и запутанные отношения Москвы с республиками, входящими в состав Российской Федерации, и умеренная, а иногда и абсолютно неэффективная политика в отношении русских, проживающих в «ближнем зарубежье», в большей мере способствует обеспечению мира и безопасности на постсоветском пространстве, чем попытки выработать ясный подход к строительству национального государства. Лозунг строительства гражданской нации может быть перехвачен, а ее «гражданскость» быстро отброшена.

Наиболее радикальные требования националистической оппозиции умеренному курсу до сих пор базировались на концепции разделенности русского народа и его праве на воссоединение. Наибольший вклад в развитие этой идеи внесли Наталья Нарочницкая, Ксения Мяло, Виктор Аксютин, Александр Севастьянов, а также такие политики, как Владимир Жириновский, Геннадий Зюганов, Юрий Лужков, Сергей Бабурин. В период между 1998 и 2001 годами было предпринято несколько попыток придать этой концепции форму законодательных инициатив. В комитетах Государственной думы обсуждались законопроекты «О национально-культурном развитии русского народа», «О праве русского народа на самоопределение, суверенитет на всей территории России и воссоединение в едином государстве», «О русском народе», однако они так и не стали законами. Реалии государственного строительства ставили перед страной совершенно иные задачи, и прагматизм каждый раз одерживал верх над идеологическими установками отдельных групп политиков. После установления весьма жесткого контроля президента над законодательной властью в 2003 году произошла маргинализация дискурса о русском народе и его праве на воссоединение.

Возможная плюрализация политики во втором десятилетии XXI века может вернуть вопрос о разделенности русского народа на политическую сцену. Нельзя исключать и появления политических партий, выстроенных вокруг этой идеи. Опыт Израиля, Австрии, Венгрии и ряда других стран свидетельствует о том, что иногда даже небольшие националистические партии приобретают непропорционально большой вес, так как союз с ними обеспечивает парламентское большинство более умеренным политическим силам.

Наднациональный проект в любой его форме, будь то империя, Советский Союз, славянско-православная цивилизация или «всечеловек» Достоевского, — всегда продукт элиты. Идея нации, как этнической, так и гражданской, более демократична. По мере демократизации российского общества, если она произойдет после 2010 года, соотношение между двумя началами в российской идентичности — наднационально-государственным и этнонациональным — может измениться в пользу второго. Это было бы вполне в русле общемировых тенденций. Идея «разделенной нации» в этом случае может занять место в центре внешней политики с катастрофическими последствиями для стабильности в регионе.

Инструмент международного влияния

Российские лидеры неоднократно заявляли о стремлении превратить соотечественников в инструмент «мягкой силы» государства, укрепления транснационального «русского мира», под которым понимается совокупность «многонационального народа России» и соотечественников за рубежом²¹. Российская политическая элита исходит из того, что во втором десятилетии XXI века формулирование этого вопроса в терминах политической нации и «мягкого» влияния может принести России серьезные выгоды.

Действительно, многие диаспоры, особенно в США, действуют в интересах своей исторической родины: еврейская, армянская, греческая, китайская, прибалтийские, центральноевропейские. Собственно, именно это и делает отдельных граждан зарубежных стран членами диаспоры, понимаемой в политических категориях. У России в XXI веке есть возможности способствовать формированию российской диаспоры из русских и представителей иных этнических групп, осознающих определенную связь с Российской Федерацией. Некоторые шаги в этом направлении, в форме политического дискурса и законов, были сделаны в течение первых двух десятилетий после распада Советского Союза. Однако до сих пор они не были подкреплены последовательной политикой, и результаты пока весьма скромные.

Для того чтобы активная диаспора сформировалась во втором десятилетии XXI века, Россия должна продемонстрировать свою заинтересованность в этом и готовность действовать на пользу ее членов. Настоящим прорывом в этом отношении могут стать законодательство и правоприменительная практика, позволяющие конвертировать статус соотечественника в российское гражданство. До 2010 года закон и программы для соотечественников практически вообще никак не были связаны с законом о гражданстве и политикой в области миграции. Новая редакция Закона о соотечественниках, вступившая в силу в 2010-м, предусматривает для некоторых категорий упрощенное получение российского гражданства, без ценза оседлости. Однако для того, чтобы это положение было реализовано, еще предстоит внести соответствующие поправки в Закон о гражданстве. Расширение практики упрощенного получения российского гражданства соотечественниками будет наталкиваться на сопротивление тех, кто не готов к увеличению численности граждан Российской Федерации за счет нерусских

из соседних стран, прежде всего с Южного Кавказа и Центральной Азии.

Статус соотечественника должен создавать условия для потенциального переселения в Россию, иначе для многих граждан на постсоветском пространстве он не имеет смысла²². Дальнейшие изменения в законодательстве позволили бы достичь тех целей, которые ставились перед неудавшейся стратегией двойного гражданства. Во-первых, это помогло бы тем, кто остается жить в соседних государствах, осознать свою особую связь с Россией и наличие «запасного варианта» на случай ухудшения положения в стране нынешнего проживания. Во-вторых, для другой части соотечественников это послужило бы инструментом облегченного переселения и привлекло бы в Россию квалифицированную русскоязычную рабочую силу, что могло бы компенсировать снижение численности населения в период между 2010 и 2020 годами.

Правоохранительные органы Российской Федерации пока успешно блокировали любые попытки либерализовать практику приобретения российского гражданства, хотя коррупция и позволяла обходить эту жесткую позицию. Внутренняя, во многом межведомственная, борьба вокруг этого вопроса продолжится и в грядущем десятилетии.

Интеллектуальный вызов, брошенный Солженицыным наднациональной традиции в ее имперской и советской формах, в начале XXI века оставался без ответа. Однако с 2008 года российская власть, впервые после распада СССР, заговорила в терминах большого наднационального проекта. Мировоззренческие основы внешней политики все чаще стали формулироваться в категориях цивилизационной принадлежности страны. Продолжая традицию XIX — начала XX века, Россия пришла к этому не через осмысление «разделенности» русских и их взаимодействия с соседними народами, а в результате обострившихся отношений с

Западом. Неудачные попытки стать самостоятельной частью Большого Запада и осознание того обстоятельства, что за этим может стоять нечто большее, чем сиюминутный расклад на международной арене, вновь заставили российскую элиту задуматься о месте своей страны в мире. Кроме того, претензии на статус великой державы вынудили российское руководство попытаться сформулировать цели внешней политики в терминах, выходящих за рамки национальных интересов²³.

Концепция цивилизации оказалась для российской власти идеологически вполне близ-

становятся в том числе ценностные ориентиры и модели развития»²⁵. Летом 2009 года Лавров уже использовал понятие «большая российская цивилизация», обращаясь к латвийской русскоязычной газете²⁶.

Возникает впечатление, что власти на самом деле не видят большого противоречия между двумя подходами. Для российского истеблишмента они не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Один подход может быть обращен к Западу, другой — к соседним государствам, соотечественникам и Русскому миру. С одной стороны, концепция России

“С 2008 года российская власть, впервые после распада СССР, заговорила в терминах большого **наднационального проекта**”.

кой. В XIX веке об особой русской цивилизации обычно говорили консерваторы, прежде всего Николай Данилевский и Константин Леонтьев. В современную эпоху в этих категориях мыслит недавно скончавшийся американский консерватор Самюэл Хантингтон.

К настоящему моменту российскими властями сформулированы два возможных подхода к цивилизационной принадлежности России. Один был впервые озвучен президентом Медведевым в речи в Берлине в июне 2008 года: «В результате окончания “холодной войны” возникли условия для налаживания подлинно равноправного сотрудничества между Россией, Евросоюзом и Северной Америкой как тремя ветвями европейской цивилизации»²⁴. Министр иностранных дел Сергей Лавров, повторяя тезис о трех ветвях, одновременно говорит о том, что принятие западных ценностей — лишь один из подходов. Россия же, по его словам, намерена продвигать другой, который «заключается в том, что конкуренция становится подлинно глобальной, приобретая цивилизационное измерение, то есть предметом конкуренции

как отдельной большой цивилизации позволяет легко парировать критику государственного устройства современной России и упреки в недостаточной демократичности. С другой стороны, она дает возможность вполне современно, в духе XXI века, интерпретировать «русский вопрос»: российская цивилизация — это наше государство вместе с Русским миром, который включает всех, кто тяготеет к полю русской культуры. В этом контексте тезис о разделенном народе звучит архаично. Выбор между двумя подходами к цивилизационной принадлежности России во втором десятилетии XXI века будет в конечном итоге определяться прагматическими соображениями, в центре которых, скорее всего, будут стоять взаимоотношения с Западом, а не с непосредственными соседями.

Для того чтобы Россия была способна «воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности», к чему призывает Лавров, необходимо было бы задействовать универсалистскую, гуманитарную традицию

российского интеллектуального наследия. Если Россия не предложит миру общечеловеческие ценности, нельзя надеяться, что в XXI веке она научится использовать «мягкую силу» в международных отношениях.

Однако исторический опыт свидетельствует, что и в случае использования универсалистского начала в проецировании своего образа на международной арене Россия может столкнуться с нежелательной реакцией. Действительно, на протяжении трех последних столетий русская «высокая» культура формировалась в рамках империи, и ее ключевой характерной особенностью была, по выражению Достоевского, «вселенскость». С одной стороны, это помогло ей получить всемирное признание. Далекая от «провинциальности» или «узости», она легко впитывала в себя достижения других, в первую очередь европейских, культур и подарила человечеству множество шедевров. С другой стороны, попытки культурного и прочего включения всех и вся в безгра-

ничную, «всеенскую» Россию постоянно вступали в противоречие с устремлениями соседних народов, которые в большинстве своем не желали становиться материалом «всеенского» проекта, потому что видели в этом фактическую русификацию и угрозу своему существованию. Исторически и культурно обусловленные мессианские традиции явно не соответствуют той новой геополитической, экономической и демографической ситуации, в которой находится сегодня Россия.

Стратегия модернизации, ставшая основой политической идентичности Дмитрия Медведева, имеет шансы остаться тем стержнем, вокруг которого будет формироваться дискурс о будущем страны в грядущем десятилетии. В этом случае риторика российской идентичности и цивилизации отойдет на второй план, уступив место практическим задачам. Проблематика «Россия и новый «русский мир»» останется в политическом смысле маргинальной. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Правописание термина не устоялось. В документах, подписанных Президентом Российской Федерации, фигурирует «русский мир» в кавычках с маленькой буквы. В документах МИД принято написание без кавычек с большой буквы: Русский мир.

² Не вдаваясь в дебаты о содержании терминов «нация» и «нация-государство», отметим лишь, что нам близки позиции Алексея Миллера и других авторов, исходящих из дискурсивной природы этих понятий и считающих, что в России нация-государство пока до конца не сформировано. См., например: *Наследие империй и будущее России* / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

³ См: *Зевелев И.* Будущее России: нация или цивилизация? // *Россия в глобальной политике.* 2009. № 5. Сент.—окт.

⁴ Сам термин «соотечественники за рубежом» был введен в официальный оборот Борисом

Ельциным и Андреем Козыревым несколько ранее — в 1992 году. В российском дискурсе к соотечественникам обычно относят тех, кто проживает за пределами Российской Федерации, но осознает свои исторические, культурные и языковые связи с Россией и желает их сохранить независимо от своего гражданства.

⁵ Сам термин «русский мир» появился в российской публицистике в конце 1990-х годов. В официальных документах МИД и выступлениях президента он начал фигурировать с середины 2000-х. Обычно под «русским миром» понимается сеть людей и сообществ за пределами Российской Федерации, так или иначе включенных в русскую культурную и языковую среду. См. многочисленные документы и публикации Фонда «Русский мир» (<http://www.russkiymir.ru/russkiymir/>), а также: *Пантелеев С.* «Русский мир» как сетевая структура. Теория и практика (http://www.ia-centr.ru/archive/public_details0edc.html?id=1062).

⁶ См.: *Тишков В.* Русский мир: смысл и стратегия России // Повестка дня для России / Под ред. В. Никонова. М.: ФОРУМ, 2009. С. 185–228.

⁷ Ярко выраженная наднациональная интерпретация концепции «русского мира», господствующая в официальных кругах и в одноименном фонде, вызывает резкое неприятие со стороны этнонационалистов. См., например: *Ефимова Е.* «Русский мир» без русских? // «Золотой лев». № 175–176. (<http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=198>).

⁸ Третий Всемирный конгресс соотечественников. 1 декабря 2009 года (<http://www.kremlin.ru/news/6187>).

⁹ См.: *Зевелев И.* Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. Янв.–февр.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (<http://www.ln.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/d48737161a0bc944c32574870048d8f7?OpenDocument>).

¹¹ На это обстоятельство неоднократно указывал заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной думы Константин Затулин.

¹² Федеральный Закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”» (<http://www.ln.mid.ru/ns-dgpch.nsf/215bdcc93123ae8343256da400379e66/efc22f59432c7795c3257776003a376c?OpenDocument>).

¹³ *Калеров М.* Почему Россия отказывается от соотечественников и от себя (<http://www.regnum.ru/news/1308005.html>).

¹⁴ Опасности приложения к России «турецкой модели» превращения метрополии бывшей империи в нацию-государство были подчеркнуты, в частности, Анатолом Ливеном: *Lieven A.* Restraining NATO: Ukraine, Russia, and the West // *The Washington Quarterly.* Autumn 1997. P. 73–74.

¹⁵ По данным руководства Федеральной миграционной службы, из 5 млн мигрантов в России в 2010 году 4 млн работали с нарушениями законодательства (<http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=153666>).

¹⁶ *Общественное мнение – 2009. Ежегодник.* М.: Аналитический Центр Юрия Левады, 2009. С. 148.

¹⁷ *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстермизм в России в 2008 году.* М.: Центр «Сова», 2009. С. 7.

¹⁸ *Общественное мнение – 2009. Ежегодник.* С. 147.

¹⁹ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 9 сентября 2006 года (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/09/111114.shtml>).

²⁰ *Демидов И.* Многонациональная государственность невозможна без наличия некоего этнического «ядра» (<http://old.edinros.ru/news.html?id=121425>).

²¹ См. высказывания Путина, Медведева и Лаврова о «русском мире»: Вступительное слово на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 24 октября 2006 года (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112923>); Третий Всемирный конгресс соотечественников. 1 декабря 2009 года (<http://news.kremlin.ru/news/6187/print>); Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2006 году, Москва, 20 декабря 2006 года (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/6a48399f78e81296c325724d003d22fe?OpenDocument).

²² Многие страны, в том числе Армения, Болгария, Венгрия, Германия, Израиль, Ирландия, Сербия, Турция, Финляндия, Хорватия, достаточно легко предоставляют гражданство представителям диаспор основной этнической группы. См.: *Мюллер Дж.* Мы и они // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. Май–июнь.

²³ См.: *Зевелев И.* Будущее России: нация или цивилизация?

²⁴ Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии. 5 июня 2008 года (<http://www.kremlin.ru/transcripts/320>).

²⁵ Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на международном симпозиуме «Россия в XXI веке», Москва, 20 июня 2008 года (http://www.ln.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/8825DB13898CD2E4C325746E0057BB9E?OpenDocument). Этот тезис был почти дословно повторен в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 12 июля 2008 года.

²⁶ <http://www.ves.lv/article/88022>.